

— О чем ты думаешь? Светлячки не выбирают, быть ли им светлячками. Как я не могу выбрать, быть ли мне Чжань Цзюцзяном, так и ты не можешь решить, быть ли тебе Лян Цзивэнем, — Лян Цзивэнь легонько похлопал его по голове.

Чжань Цзюцзян повернулся к нему. Отсюда он не мог видеть все лицо Лян Цзивэня, только его подбородок и часть щеки. Он не видел его выражения и не слышал его мыслей, но при свете звезд и светлячков каждая черта его лица сводила его с ума.

— Ты прав, — Чжань Цзюцзян снова повернул голову и тихо сказал.

«Как и то, что я не выбирал влюбиться в тебя».

На следующий день все встали на рассвете. Лян Цзивэнь голыми руками вогнал ветку в землю. Чжань Цзюцзян тоже хотел повторить это, чтобы выглядеть круто, но сколько бы он ни бил, ветка только криво торчала на поверхности. Его ладонь покраснела, и лицо тоже покраснело от злости. Лян Цзивэнь, опершись на свою ветку, спокойно наблюдал за его попытками.

— Лян Цзивэнь, у тебя есть время стоять и смеяться над мной? Помоги! — Чжань Цзюцзян мастерски умел перекладывать вину на других. Хотя он сам не хотел помощи, он мог обвинить во всем Лян Цзивэня, даже не моргнув глазом.

Лян Цзивэнь не ожидал, что у этого человека когда-нибудь проснется совесть. Он подошел и специально ударил ветку дважды, чтобы вогнать её в землю. Чжань Цзюцзян, высокомерно подняв подбородок, сказал:

— Неплохо, видимо, я заложил хорошую основу!

— ... — Лян Цзивэнь.

Между двумя кольями натянули веревку, а затем нанизали на нее куски мяса, плотно обвязав их лозами. Дети, увидев столько мяса, смеялись от радости, а в их глазах горела надежда на будущее.

Уборка пшеницы заняла недолго. К следующему дню все было закончено, оставалось только упаковать урожай. Когда все было готово, солнце уже клонилось к закату. Лян Цзивэнь отнес мешки с пшеницей в пещеру на скале, чтобы забрать их на обратном пути.

На закате Лян Цзивэнь стоял на скале и смотрел вниз. В долине на земле остались голые участки почвы, а стерня пшеницы еще торчала. После зимы, с приходом весны, стерня исчезнет, и на голой земле снова вырастут упрямые травы и крепкие дикие цветы. Солнце медленно скрывалось за скалой, и золотистая земля снова становилась темной, спокойной и величественной, ожидая нового дня.

Лян Цзивэнь задумчиво смотрел вдаль. Последние лучи солнца освещали половину его лица, а Чжань Цзюцзян, подняв голову, смотрел на него. Лян Цзивэнь опустил взгляд, и их глаза встретились. Они улыбнулись друг другу.

Собрав вещи, они остались ночевать еще на одну ночь. После ночи копчения и целого дня на солнце змеиное мясо все еще было немного влажным. Лян Тин и Лян Сысы аккуратно завернули его и положили в корзины каждого.

Природа была щедра, и на следующий день все с нетерпением встали рано утром. Собравшись, Лян Цзивэнь велел им взять с собой серпы. В глубине леса могло случиться что угодно, и, хотя

он был силен, он не мог всегда защитить их.

Чтобы никто не отстал, играя, Лян Цзивэнь привязал веревку к поясу каждого. Он держал один конец, а за ним следовали шестеро детей и один беззаботный проказник.

— Лян Цзивэнь, я не хочу привязывать веревку! — возмутился Чжань Цзюцзян. — Лян Сысы и Лян Тин — это одно, но почему я тоже должен это делать?

Лян Цзивэнь сделал вид, что не слышит. Чжань Цзюцзян так разозлился, что хотел укусить Лян Цзивэня за шею, но шестеро детей тянули его назад. Хотя между ними была веревка, дети то и дело останавливались, чтобы посмотреть то тут, то там, и он не шел за Лян Цзивэнем, а оттягивался назад.

Чжань Цзюцзян тянул веревку, пытаясь притянуть Лян Цзивэня к себе. Непонятно, как он это сделал, но, хотя веревка была завязана свободно, развязать её не удавалось.

Чжань Цзюцзян был сильнее обычного взрослого, но с Лян Цзивэнем он не мог сравниться. Его лицо покраснело от усилий, но он не смог сократить расстояние ни на сантиметр. Лян Цзивэнь, видя, что он вот-вот взорвется, наконец ослабил натяжение и позволил себя притянуть.

Он поднял руку, чтобы поправить волосы Чжань Цзюцзяна, но тот сердито оттолкнул её:

— Не трогай!

Он был обижен, ведь, судя по всему, Лян Цзивэнь считал его таким же, как Лян Сысы, и не относился к нему как к... к кому? Он не мог точно понять, что чувствовал.

— Не злись, — Лян Цзивэнь развел руки в стороны. — Помоги мне тоже завязать веревку.

Чжань Цзюцзян легко загорался, но так же быстро остывал. Он с радостью взял веревку и начал завязывать её на поясе Лян Цзивэня.

— Слабо?

— Не слабо.

— Что? Еще слабо? Тогда я затаю сильнее.

— Ну как?

— Очень туго.

— Хочешь еще туже? Тогда я приложу больше силы.

Чжань Цзюцзян наклонился, и его голова оказалась возле живота Лян Цзивэня. Даже когда он подшучивал, Лян Цзивэнь не сердился, а с улыбкой смотрел на его довольное лицо. Хотя Чжань Цзюцзян затягивал веревку снова и снова, он не хотел причинять Лян Цзивэню дискомфорт и, завязывая узел, ослабил натяжение.

— Цзюцзян.

— Мм? — Чжань Цзюцзян поднял голову, все еще наклонившись, и случайно ударился лбом о грудь Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь взял его за руку и тихо сказал:

— Смотри, веревка идет сюда, делает петлю, а потом...

Его ладонь всегда была теплой, не горячей и не холодной, приятной на ощупь. Чжань Цзюцзян, казалось, мог четко слышать сердцебиение Лян Цзивэня, которое передавалось через кожу в его собственное сердце.

— Лян Цзивэнь... — Чжань Цзюцзян хотел что-то сказать, но в этот момент Лян Юэ радостно закричала, и Лян Цзивэнь закончил завязывать узел. Чжань Цзюцзян подтолкнул его. — Быстрее иди!

Лян Сысы и другие дети, играя, нашли финиковое дерево. Из-за климата большинство фиников уже покраснело наполовину. Дети были в восторге, но веревка мешала им подойти, и они могли только издали смотреть на дерево, усыпанное плодами.

Лян Цзивэнь подвел их к дереву, развязал веревки, и мальчики полезли на дерево. Лян Тин тоже быстро забралась наверх. Близнецы внизу кричали, что тоже хотят подняться, но внизу было мало людей, чтобы собирать плоды, и их не пустили.

Незрелые финики трудно сбивать палкой, но дерево было большим, и на нем поместилось много людей. Все собирали только красные финики, оставляя остальные на потом.

Найдя одно финиковое дерево, они вскоре обнаружили еще одно, но оно было меньше, и плодов на нем было мало. Лян Тин достала нарисованную ею схематичную карту и аккуратно отметила на ней оба дерева звездочками.

Лян Цзию, набив рот финиками, рассыпал на земле кучу косточек, которые он съел, пока собирал.

Спустившись с дерева, они собрали большой урожай, и корзины каждого были заполнены на треть. Лян Цзивэнь высыпал финики близнецов в свою корзину, а те, надув щеки, сердито смотрели на него, чувствуя себя недооцененными.

— Экономьте силы, — Лян Цзивэнь положил каждому в рот по красному финику.

Близнецы тут же перестали злиться и заулыбались.

В июне лес еще не был богат урожаем, и финики были дикими, не такими сладкими и хрустящими, как выращенные в саду. Но для детей, выросших в трудные времена, это было настоящим лакомством.

<http://bllate.org/book/16557/1511016>